

ГЕНЕРАЛ МАРГЕЛОВ

Олег СМЫСЛОВ

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

Олег Сергеевич Смыслов
Генерал Маргелов
Серия «Великие
исторические персоны»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6717811
Генерал Маргелов: Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-4444-7888-2

Аннотация

Вся его жизнь – это достойный пример служения своему Отечеству человека сильной воли, огромной энергии, целеустремленного и преданного своей профессии офицера и военачальника. У него была подлинно солдатская душа, благодаря которой сама жизнь выдвинула его на высокие ступени военной иерархии. Василий Филиппович Маргелов – единственный из командующих ВДВ, чье имя в истории этих войск останется навсегда: ведь он олицетворял целую эпоху их развития и становления.

Содержание

От автора	5
Глава 1	8
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Олег Сергеевич Смыслов

Генерал Маргелов

© Смыслов О.С., 2010

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2015

*Моему другу, сыну ветерана-десантника,
суворовцу и комбату – Владимиру Алексеевичу
Таранову посвящаю...*

От автора

Вся его жизнь – это достойный пример служения своему Отечеству офицера, командира и военачальника, человека сильной воли, огромной энергии, целеустремлённого и преданного своей профессии – защищать родину!

У него была подлинно солдатская душа, благодаря которой сама жизнь выдвинула его на высокие ступени военной иерархии.

Командуя в годы войны полком морской пехоты, Василий Филиппович познал их особое состояние духа и, видимо, от «чёрной смерти» (так называли морпехов немцы) перенёс в «пехоту крылатую» их некоторые традиции.

Василий Филиппович Маргелов – единственный из командующих ВДВ, чьё имя в истории этих войск останется навсегда, ведь он олицетворял целую эпоху их развития и становления.

Что тут говорить, только Маргелов смог посадить десантников на броню. Именно Маргелов придумал для десантников тельняшку с голубыми полосками и голубой берет. Это он назвал пагубным удержание захваченного десантом района до подхода наступающих войск и убедительно отверг методы жестокой обороны.

Это Василий Филиппович убедил в том, что в современных операциях успешно действовать в глубоком тылу про-

тивника смогут только высококомобильные, способные к широкому маневру десанты.

Главным качеством в профессии десантника Маргелов называл дерзость и говорил: «Такую, когда человек готов сражаться против десяти врагов».

В ВДВ он вложил всю свою душу, весь свой опыт и талант, создав современные Воздушно-десантные войска как элиту Вооружённых Сил СССР.

В 1999 году, в период моей службы в Санкт-Петербурге, я написал стихотворение под названием «Советскому офицеру». Образ в нём изначально был собирательный. Но только теперь, перелистав страницы насыщенной военной биографии В.Ф. Маргелова, я понял – эти строки были написаны и про него:

Ты был всегда, все войны впереди —
И взводным, и комбатом, и комдивом;
И рвали пули гимнастёрку на груди,
Но лишь за то, что был ты командиром.

Ты был всегда батяней для своих,
За храбрость и бесстрашие – примером,
Почти святым для павших и живых,
Краскомом и советским офицером.

Ты знал нужду, страдания, приказ
И Родины великой уваженье.

Ты не в боях Россию тоже спас —
Её ты защищал и на ученьях.

Ты в форме жил и в ней же умирал,
В традициях ковалась твоя вера,
Ты жизнь свою на службе прожигал,
Но то была судьба, а не карьера.

Ты водку пил и знал, как дворник, мат, —
Увы, в казармах не было балета,
Ты грубостью берёг своих солдат,
Порою возвращая с того света.

Ты в генералы вышел боевым,
За мужество – заслуженная мера,
А всё служение – твой памятник живым
Сегодняшним российским офицерам...

Василий Филиппович Маргелов при жизни стал символом времени и человеком-легендой.

Глава 1

Есть такая профессия – защищать свою Родину

Когда известного советского и российского писателя Бориса Васильева спросили, почему он так и не написал роман о современной российской армии, то он с грустью заметил:

«Моя любимая Красная Армия изменилась на глазах. Большинство выходцев из царской армии погибло в 1941–1942 годах. И тогда офицеров стали готовить из крестьян. Как результат, нравственный ценз моментально снизился. Да, они герои, они победили. Честь им и хвала! Но строить мирную армию они уже не могли. Мне кажется, эта картина пользуется популярностью потому, что „Офицеры“ – романтическая мелодрама. Её герои безукоризненны. Представить только: Иван Варавва был влюблён в жену своего друга, а потому сам так и не женился. Такой любви больше нет! Поэтому женщины и ревут. Между прочим, в фильме „Офицеры“ я придумал лишь вторую серию. Да и её сильно сократили. Я там писал про лагеря. Помните, встречаются два генерала и восклицают: „Ты жив?..“ Подумайте, где они были столько лет? Да они сидели! Так вот. Недавно у меня в гостях была дочь Кирилла Рапопорта, с которым мы и придумали „Офицеров“, и задала тот же вопрос, что и вы. Я ответил ей, что

не могу, потому что не знаю современную армию».

И всё же повесть «Офицеры» давным-давно стала классической, а фильм с одноимённым названием – культовым.

Помните, когда на вышке Алексей Трофимов, облачённый в «красные революционные шаровары», установил пулемёт и к нему туда поднялся командир эскадрона, ещё из старых офицеров?

«Молча проверил прицел, просмотрел пулемётные ленты. Поймав весёлый взгляд Алексея, усмехнулся:

– Какого года?

– Второго, товарищ командир.

– Значит, сразу – на курсы?

– Так комсомол приказал.

– А жениться вам тоже комсомол приказал?

– Это мой личный вопрос, – нахмурился Алексей.

– Ваш личный? Ошибаетесь, взводный. Женитьба – дело чести вашей, а не вопроса.

Алексей растерялся настолько, что, поморгав, совсем не по-уставному протянул:

– Чего-о?...

– Когда вы просите женщину вручить вам руку и сердце, вы внутренне даёте самому себе слово чести, что всю жизнь будете служить ей щитом и опорой. Что в любых несчастьях, болезнях, горестях вы не покинете её и никогда не предадите. Никогда.

– Ну это – само собой, – рассудительно сказал Алексей.

– На всю жизнь – слово чести, взводный. А жизнь может оказаться длинной. Даже при нашей с вами профессии.

– Какая же это профессия? – с ноткой превосходства удивился Алексей. – Военный – это никакая не профессия. Это просто служба такая.

– И долго же вы просто служить собираетесь?

– До победы мировой революции, – чуть запнувшись, но твёрдо сказал взводный.

– А потом?

– Когда – потом?

– После победы мировой революции?

– После победы? – Алексей смущённо улыбнулся. – После победы я учительствовать пойду. Вот учитель – это настоящая профессия, товарищ командир эскадрона.

– А я, представьте себе, всю жизнь гордился своим делом, – комэск вздохнул. – И отец мой им гордился, и дед. Другие знатностью гордились или богатством, а мы – профессией.

– Что же это за профессия такая?

– Родину защищать. Есть такая профессия, взводный: защищать свою родину.

И застеснявшись патетики, поднял к глазам бинокль.» (Б. Васильев. Офицеры. М., 2003 г.).

Как и Алексей Трофимов, Василий Филиппович Маргелов связывать свою судьбу со службой в армии и не собирался. Но в 1928 году именно по комсомольской путёвке, кото-

рую он получил в райкоме, его направили учиться на красно-го командира в Объединённую Белорусскую военную школу имени ЦИК БССР в городе Минске.

Свою роль в будущей судьбе Маргелова сыграло его семилетнее образование, которое имели тогда ещё немногие призывники. Было ему тогда всего двадцать лет от роду...

Родился Василий Филиппович Маргелов 27 декабря 1908 года в городе Екатеринославе (Днепропетровск) на Украине, в семье выходцев из Белоруссии. Когда маленькому Василию было всего пять лет, вся семья вернулась на родину Филиппа Ивановича в местечко Костюковичи Климовичского уезда (Могилёвская губерния).

По рассказу сыновей В.С. Маргелова, «семья была большой: трое сыновей – Иван, Василий, Николай и дочь Мария, порой сильно бедствовала, а потому и приходилось его отцу, Филиппу Ивановичу Маргелову, гнуть спину на капиталиста от зари до зари. Только благодаря своей богатырской силе и огромной выносливости мог он работать в горячем литейном цехе лицом к лицу с испепеляющим огнём расплавленного металла по 16 часов в сутки, пока не выгнали его с завода за „политическую неблагонадёжность“. Давно хозяева хотели избавиться от неудобного им вожака рабочих. А тут и повод подвернулся: заступился он за соседскую бабку Матрёну. Дело было так – прицепились к ней трое подвыпивших хулиганов, мол, плати три копейки за право торговать семечками, не то их заберём. А откуда же ей, горемычной, такие

деньги взять? А те пристали к ней, как банный лист к телу:

– Дай, да дай!

Старушка в слёзы, а им всё нипочём, только смеются. В это время проходил мимо Филипп Иванович. Ну и врезал он им как следует. Выплёвывая зубы, разбежались как зайцы – попробуй ответь тем же здоровенному металлургу. А потом пожаловались городовому, дескать, избил их пьяный громила ни за что ни про что. Вот так и лишился дед Филипп работы – убрали его подальше от коллектива беспокойных рабочих. С трудом удалось устроиться на шахту горным рабочим, но на работу, где условия труда были ещё невыносимее и где он быстро завоевал авторитет среди шахтёров».

В Екатеринославе Маргеловы жили достаточно скромно. Небольшая комната в рабочем бараке, где мама Василия вела домашнее хозяйство, отличалась чистотой и порядком. И тем не менее Маргеловы не бедствовали.

Покинув, что называется, насиженное место в Екатеринославе, они поселились в Костюковичах. Говорят, это был «неказистый домишко на Муравильской улице, доставшийся в наследство супруге». Но уже через год он «вполне мог соперничать со строениями, в которых жили именитые граждане Костюковичей».

Однако семейное счастье длилось недолго. Началась война.

«В 1914 году призвали деда Филиппа на военную службу, и ушёл он на германскую войну защищать Отечество, –

пишут сыновья В.Ф. Маргелова. – Два „Георгия“ свидетельствуют о его мужестве и отваге. В одном из боёв в наступлении герой-богатырь лично заколол штыком десяток немцев. Но третьего „Георгия“ ему не дали за то, что однажды он выступил против несправедливости, за права солдат. В 1917 году он был избран членом полкового комитета. Потом были бурные годы Гражданской войны. Филипп Иванович взял в руки винтовку и пошёл на фронт защищать молодую советскую республику, твёрдо веря, что борется за лучшую жизнь именно трудового народа. Служил он сначала в Красной Гвардии, а потом – в Красной Армии.

Когда отгремели залпы Гражданской войны, Филипп Иванович Маргелов вернулся в 1920 году домой, где сначала работал на своей земле, уходя зимами на побочные заработки, в 1931 году вступил в колхоз „Парижская Комуна“, а позже перебрался на лесопильный завод, с 1936 года работал в Леспромхозе.

Семья окончательно вернулась в город Костюковичи, что в Могилевском уезде в Белоруссии, где Маргеловы жили и работали в летнее время. Здесь же была и многочисленная родня. Родственники хоть и сами жили бедно, но всегда помогали друг другу. В 1921 году второй сын Филиппа Ивановича Василий закончил школу. Сын рос в отца и был не по годам высоким, сильным парнем. В те времена в таком возрасте многие подростки начинали свою трудовую жизнь. Не минула эта чаша и сына екатеринославского пролетария».

Начинал свою трудовую деятельность Василий Филиппович, помогая матери по хозяйству. Затем были мелкие заработки: «то почту возил, то грузчиком подрабатывал, то плотником».

Когда стукнуло тринадцать, работал учеником в кожевенной мастерской, очень скоро став помощником мастера. А в пятнадцать он поступает чернорабочим в местный «Хлебопродукт».

История о том, как Василий Филиппович вступал в комсомол, любопытна: «Секретарь комсомольской ячейки предложил Василию вступить в комсомол. Старательно изучив Устав и изрядно волнуясь, пришёл он в назначенное время на комсомольское собрание. Всё шло нормально, пока заместитель секретаря комсомольской организации Изя, которого Василий терпеть не мог за его зазнайство и верхоглядство, не спросил: „Как вы, товарищ Маргелов, относитесь к еврейскому вопросу?“

Ну, Василий и объяснил, что он думает о тех руководителях и идейных вдохновителях, которые сами не знают, что такое труд, а других пытаются поучать. Имел он в виду именно этого Изю, не вдаваясь глубоко в каверзный смысл вопроса. Вернулся он домой расстроенным – отказали ему по предложению Изя в доверии.

– Что, моего Васеньку в комсомол не приняли? – возмутилась глубоко набожная Агафья Степановна. – А говорили, что туда только лучших принимают.

Двоюродный брат Иван, секретарь партийной организации института, спросил:

– В чём дело, Вася?

– Не знаю, – честно признался Василий – на все вопросы ответил, работу мою хвалили, а как Изьку лентяем и крикуном назвал, предложили в следующий раз прийти подготовившись, и ещё назвали каким-то „антисемитом“.

– Не переживай, брат, я переговорю, с кем следует.

Через несколько дней тот же Изя, заискивающе улыбаясь, приглашал его:

– Васька, почему ты в комсомол не приходишь? Приходи. Не обижайся.

Скоро его приняли в комсомол, но неприятный осадок остался надолго. Шёл 1924 год...»

Словом, с характером был юноша. Да ещё каким! Но именно такой характер останется у Василия Филипповича до конца его дней. Потому всю свою дальнейшую жизнь он будет всегда считаться суровым, но справедливым человеком. Сильный характер – сильная личность. Именно таким воспитали его отец и мать. Несомненно, приложила к этому свою руку и окружающая среда – улица. Пройдёт много лет, прежде чем один из партийцев высокого ранга за упорство Маргелова, с каким он всегда отстаивал свою точку зрения, назовёт его «бульбашом».

«Я и бульбаш, и хохол, и великоросс. Одним словом – потомственный славянин», – с достоинством ответит Васи-

лий Филиппович.

В шестнадцать Маргелов по комсомольской путёвке отправляется всё в тот же Екатеринослав на шахту имени М.И. Калинина, где сначала будет обыкновенным чернорабочим, а затем коногоном. Работая лишь с кайлом и лопатой, порой на пределе физических сил, он именно в шахте получит первые уроки мужества. Уроки, которые будут им опробованы на собственной шкуре.

«Однажды, когда бригада, в которую входил Василий, пробивала новый штрек, произошёл завал. Забойщики оказались отрезанными от внешнего мира толстым слоем земли. Кое-кто упал духом, кое-кто уже молился Богу. Но Василий Маргелов и ещё несколько его товарищей упорно раскапывали завал. Более трёх суток они без пищи и воды боролись со стихией, и она отступила. На четвёртые сутки после удара кайлом в „стену“ завала шахтёры увидели свет и, помогая друг другу, выбрались на волю.

Однако те дни и ночи, проведённые в тёмном забое без свежего воздуха, воды и пищи, не прошли даром. Василий по состоянию здоровья уже не мог работать на шахте, и его направили лесником в Леспромхоз, в родную Белоруссию». (А. Маргелов, В. Маргелов. Василий Маргелов. Десантник № 1.)

Но и эта работа не прошла даром. Десятки километров восемнадцатилетнему парню приходилось преодолевать на лошади – летом и на лыжах – зимой, чтобы осмотреть лесные уголья. Преследуя браконьеров, Василий Филиппович очень

скоро научился читать «лесную книгу»: «Умел он находить едва заметные следы в лесу, маскироваться, терпеливо выжидать в засаде, не зная, конечно, как пригодятся эти качества ему в будущем».

В 1927 году его выбирают председателем рабочего комитета Леспромхоза, а в 1928-м – членом местного Совета и председателем налоговой комиссии. Тогда же Маргелов станет уполномоченным по комсомольской линии по работе среди батраков и по военной работе. Тогда же вступит в партию, но пока всего лишь кандидатом.

Согласно послужному списку, который аккуратно подшит в личном деле В.Ф. Маргелова, в Объединённой белорусской военной школе ЦИК БССР он учился с сентября 1928 года по апрель 1931-го. То есть целых два с половиной года Василий Филиппович был курсантом, постигая совершенно новое, неизведанное для себя военное дело, следуя ленинским словам, настоящим образом. Правда, как до службы в армии, так и во время её периодически буква «г» в его фамилии в различного рода документах, менялась на букву «к». А ведь до получения партийного билета Василий Филиппович Маргелов был Маркеловым. Но именно этот документ окончательно утвердил букву «г» в его фамилии навсегда. Говорят, сам обладатель красивой фамилии по этому поводу никогда не расстраивался...

У военно-учебного заведения, в которое был принят Василий Филиппович, уже была своя небольшая история. Из-

вестно, что 5 февраля 1921 года по приказу Реввоенсовета Республики в Минске были организованы краткосрочные 81-е пехотные курсы командного состава, которые расположились в здании бывшей Минской духовной семинарии. В том же году курсы переименовывались дважды: сначала в курсы Совнаркома БССР, а затем в Минские пехотные курсы РККА.

В 1924 году на базе этих курсов была организована 7-я Объединённая военная школа имени ЦИК БССР с трёхгодичным сроком обучения.

Его специфику отражало само название: «Объединённая». То есть на трёх отделениях готовились кадровые командиры для родов войск РККА: кавалерии, артиллерии и пехоты.

В перечне военных дисциплин значились: топография, история Гражданской войны, военное искусство, тактика, огневая подготовка, инженерное дело. Тактика пехоты и кавалерии (курсанты постигали джигитовку и приёмы езды) изучалась в них с учётом применения артиллерийского огня. Почти треть учебного времени отводилась на общеобразовательные предметы. В течение учёбы курсанты проходили стажировку: на втором курсе – в должности командира отделения, на третьем – командира взвода.

Военная школа представляла собой один батальон трёх- или четырёхротного состава. Первоочередной задачей ОВШ имени ВЦИК БССР была подготовка для 2-й Белорусской

стрелковой дивизии Западного военного округа (Белорусского военного округа).

За годы работы в училище было подготовлено около 3,5 тысячи командиров Красной Армии.

Здесь и предстояло учиться курсанту Маргелову.

Физически подготовленный к суровой военной жизни, Василий Филиппович непременно стремился и к знаниям. Он как-то сразу же втянулся в новый для себя режим или повоенному – распорядок: в 6 часов 30 минут подъём, затем зарядка и занятия до обеда. В классах курсанты первого года первоначально изучали историю, географию, русский язык, литературу, химию, физику, немецкий язык, Конституцию СССР и усваивали марксистско-ленинскую подготовку.

Как пишет Б. Костин: «после обеда – отдых. Мёртвый час с 14.40 до 15.40 непременно соблюдался и при выходе школы в летние лагеря, на три месяца боевой учёбы. <...>

Курсанты полностью обеспечивали себя дровами, картофелем, до блеска драили полы в школе, но особое положение занимал столовый блок – он радовал не только глаз.

И хотя Белоруссия тогда жила не слишком богато, о своих защитниках государство заботилось: курсантские щи никогда не бывали постными, а в добротном обмундировании воспитанники школы выглядели щёголями.

Василия Маргелова с первого курса отличали дотошность и упорство в освоении военной науки. Теоретические занятия в ОБВШ подкреплялись хорошей армейской практикой

– в течение учёбы курсанты должны были пройти стажировку: на втором курсе – в должности командира отделения, на третьем – командира взвода».

Благодаря своему характеру, а также существенному жизненному опыту (для своих лет) Василий Филиппович уже с первых месяцев учёбы «вошёл в число отличников по огневой, тактической и, конечно же, политической подготовке. Никто не мог сравниться с ним по меткости стрельбы из револьвера „Наган“, винтовки „трёхлинейки“, пулемёта „Максим“. За эти успехи он был зачислен в группу снайперов и получил личный пистолет ТК (Тульский, системы С.А. Коровина, калибра 6,35 мм). Этот маленький пистолет в начале 30-х годов очень любили командиры Красной Армии». (А. Маргелов, В. Маргелов. Василий Маргелов. Десантник № 1.)

На втором курсе Василия Филипповича назначают старшиной роты. Показывая пример своим товарищам в освоении военного дела, он немало времени уделял их физической закалке.

В 1929 году его переводят из кандидатов в члены партии, а в 1930-м избирают членом бюро ячейки ВКП(б).

Сегодняшней молодёжи это уже ни о чём не говорит, а тогда это считалось значительными успехами в каждой личной биографии. Ими непременно гордились, причём гордились совершенно искренне.

В начале 1931 года Минская военная школа готовилась организовать лыжный пробег в Москву. Он был связан с пя-

тидесятилетним юбилеем наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова. Тогда это было модно. А с 6 по 21 февраля 1931 года десять курсантов, совершив 800-километровый бросок, доставили К.Е. Ворошилову «Рапорт о достижениях и недочётах» ОБВШ и лично поздравили наркома в столице.

Генерал-лейтенант И.И. Лисов был одним из участников этого пробега. В своей книге мемуаров он рассказывает об этом так: «...Тогда у нас не было спортивных лыж, хорошего крепления, одежды и обуви, хоть приблизительно похожих на нынешнее снаряжение спортсменов. Шли мы на армейских лыжах-досках, с плохим креплением, в сапогах и „будёновках“ на голове.

Февраль был снежный и морозный. Шли мы вдоль железной дороги по обочине. Был случай, когда курсанта Володю Котова, крепенького паренька небольшого росточка, порывом сильного ветра сорвало с насыпи под откос в глубокий снег и тут же занесло. Он шёл в группе последним, и в пургу никто не заметил этой потери.

Уже прошли порядочно от места исчезновения курсанта, и Маргелов, пропуская мимо себя цепочку ребят, обнаружил „недостачу“ в строю и, доложив курсовому командиру, старшему нашего перехода, тут же повернул всех нас назад на поиск „самовольщика“, оставившего без разрешения строй. Долго мы искали его в этой метельной круговерти, рассыпавшись по всей насыпи, и только случайно перед наступлением

темноты по торчащей из сугроба лыже нашли его. Видимо, от усталости Володя нечаянно уснул, укрыв лицо подшлемником.

После этого случая Маргелов не шёл по старшинству впереди за курсовым командиром, а по своей инициативе стал замыкающим. Больше до самой Москвы у нас не было отстающих. В столицу пришли без обмороженных или исхудавших, крепкими, загорелыми. Только лыжи наши превратились действительно в гладкие доски, даже продольные борозды стёрлись до основания, но задачу мы свою выполнили, в Москву прибыли вовремя.

Мы не раз вспоминали с Василием Филипповичем этот далёкий поход тридцатых годов и нашу курсантскую жизнь, отправляясь на лыжную прогулку, уже будучи в больших чинах и званиях».

К слову, только в один день курсанты проходили по 60–70 километров. Шли они с раннего утра до позднего вечера. А в самый последний день преодолели более ста километров.

За этот переход Маргелов получил свою самую первую награду – золотые именные часы – «луковицу».

В этот поход очень рвался будущий маршал И.И. Якубовский, учившийся вместе с Маргеловым. Но его не взяли из-за огромного роста. Побоялись, что не выдержит длительного перехода на лыжах. Пройдёт много лет, и Иван Игнатьевич в разговоре с однокашником однажды обронит:

– А помнишь, Василий Филиппович, как не взял ты меня

в лыжную команду?

– Зато вы маршалом стали, – отшутился Маргелов.

Весной 1931 года, выдержав серьёзные испытания, старшина Маргелов окончил Минскую школу с отличием. Кто знает, о чём думал он, стоя в парадном строю в новенькой с иголки формы, прощаясь с Боевым знаменем? Но торжественный марш, завершающий ритуал, не мог не тронуть его душу, прикипевшую за эти несколько лет к военной службе. У Василия Филлиповича было достаточно времени понять и принять профессию защищать свою родину...

Но пройдут десятилетия, и 26 июля 1971 года состоится премьера художественного фильма «Офицеры». По сюжету фильма внук Трофимовых – Иван выберет службу в ВДВ.

Дело в том, что сам автор Борис Васильев служил в годы войны в воздушно-десантном полку. В заключительной части повести он напишет: «На военном аэродроме в трюмы огромных транспортных самолётов вползают танки.

В самолёты садятся десантники в полной боевой выкладке. У трапа стоит в такой же выкладке капитан Трофимов и пропускает мимо себя своих солдат».

Но в фильме есть небольшие дополнения. Говорят, их внесли в сценарий по рекомендации В.Ф. Маргелова...

А тогда, в 1931 году, красный командир Маргелов получил назначение в 99-й полк 33-й стрелковой дивизии, дислоцирующейся в Могилёве.

Глава 2

Становление командира

Первая должность Маргелова в стрелковом полку была, с одной стороны, обычной для его рода войск – командир взвода. И необычной, ответственной, значимой, с другой – командир пулемётного взвода полковой школы.

Однако с самых первых дней «молодой краском зарекомендовал себя в глазах командования полка и дивизии как грамотный, волевой и требовательный начальник. Вместе с личным составом взвода он буквально сутками пропадал на полигонах и стрельбищах, досконально отрабатывая с подчинёнными все боевые задачи и упражнения. При этом большое внимание Василий Маргелов уделял физической подготовке, и в особенности – лыжам. И вполне закономерно, что его взвод за рекордно короткое время вышел в передовые. Прошло некоторое время, и Маргелов стал командиром взвода полковой школы, в которой готовились младшие командиры РККА». (А. Маргелов, В. Маргелов. Василий Маргелов. Десантник № 1.)

И здесь Маргелов добивается несомненных результатов. Однако в 1932 году его зачисляют в Оренбургскую школу лётчиков и лётнабов.

К слову, к этому шагу в его жизни мог подтолкнуть IX

съезд ВЛКСМ, состоявшийся в 1931 году. Съезд призывал комсомольцев идти в авиационные школы, приняв шефство над Воздушным флотом страны. И надо сказать, на призыв Ленинского комсомола молодёжь Советского Союза откликнулась горячо. Только в 1931–1936 годах в авиационные школы было принято 30 тысяч коммунистов и комсомольцев. Комплектование школ шло за счёт гражданской молодёжи и военнослужащих. Из числа последних комплектовались подразделения слушателей с годичным сроком обучения. При этом теоретическая и лётная программы требовали от курсантов и слушателей больших усилий.

Например, в 1932 году на вооружение Оренбургской школы поступили самолёты Р-1 и У-2. Весь лётный и технический состав напряжённо осваивал теорию и практику эксплуатации новой авиационной техники без лётных происшествий.

В 1932 году в части и соединения РККА стали приезжать «покупатели» из ВВС, отбирая наиболее грамотных и годных к лётной работе бойцов и командиров. Вот только возраст абитуриентов ограничивался двадцатью пятью годами.

Поступив в эту школу, Василий Филиппович сразу же стал на два года моложе. Есть данные, что Маргелов в действительности родился в 1906 году. Тогда, в 1932 году, ему было уже 26 лет. Следовательно, причина такого «омоложения» вполне объяснима.

Но всё-таки судьбе было угодно не дать Маргелову завер-

шить обучение... Случилось непредвиденное...

Сидел как-то слушатель в учебном классе и с энтузиазмом, а может, и по отработанной привычке чистил пистолет. При этом вполголоса напевал довольно распространённую шуточную курсантскую песню про первых лиц Красной Армии и героев Гражданской войны на мотив песни о Конной армии:

Сидел бы ты, Будённый, на коне верхом,
Держался с Ворошиловым за хвост вдвоём.
Сидеть вам на кобыле,
Не летать на «Либерти»,
Зануды вы, зануды, вашу мать ети.

И надо было такому случиться, в класс незаметно вошёл комиссар. Говорят, шуму было много, «разобрали» Маргелова по партийной линии, но не пожурили, а наказали, объявив выговор.

В полк он уже не вернулся, получив назначение командиром взвода в родное Минское военное училище. Состоялось оно в январе 1933 года.

Когда спустя почти полвека журналисты поинтересуются у генерала Маргелова, почему он выбрал воздушно-десантные войска, Василий Филиппович ответит не без юмора: «Когда пулемёт мне надоел, решил стать лётчиком...» И пусть это желание не осуществилось, всё же какое-то представление об этой профессии он получил. Бывает так, что в

жизни могут пригодиться и не самые удачные её моменты. Как опыт...

Оказавшись в училище, в котором ещё несколько назад учился, Маргелов ещё раз подтверждает свои командирские знания, умения и навыки, постепенно превращаясь в прекрасного педагога. Уже в феврале 1934 года его назначают помощником командира роты, а в мае – командиром пулемётной роты.

Б. Костин в своей книге приводит обычный рабочий распорядок Василия Филлиповича: «Огневая подготовка. Темы: „Управление огнём. Приборы управления огнём. Внутренняя и внешняя баллистика“ – на каждую 3 часа, преподаватель Маргелов. Тактическая подготовка. Темы: „Пулемётный взвод в наступлении и обороне. Взаимодействие со стрелковыми подразделениями“ – на каждую по 6 часов, преподаватель Маргелов. Строевая подготовка. Тема: „Парадные строи“ – старший лейтенант Маргелов. Физическая подготовка. Темы: „Упражнения на гимнастических снарядах. Трамплины и лыжи“ – преподаватель Маргелов».

При этом даже ленинский уголок 4-й роты был одним из лучших в училище.

В очередной аттестации на командира 4-й курсантской роты будет указано: «Старший лейтенант Маргелов, командир пулемётной роты (Приказ НКО № 878 от 21.05.1936 г.), с должности помощника ком. роты, 1906 г.р., рабочий из крестьян, русский, закончил нормальную военную школу в 1931

году. Политически подготовлен хорошо. В партийной жизни активен. Парторг, член бюро. В училище с 1933 года. Военная подготовка хорошая. Энергичный, подвижный. Выдержанный и напористый в работе, растущий командир. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть выдвинут помощником комполка по строевой части».

Как всегда дружен был Василий Филиппович и со спортом: «Спортивная жизнь в столице Белоруссии с введением комплекса ГТО обрела как бы второе дыхание, – пишет Б. Костин. – И на всех соревнованиях честь училища непременно защищал Василий Маргелов. После первой пробы сил в августе 1937 года семнадцать офицеров и курсантов должны были предстать перед проверочной комиссией, приехавшей из Москвы. О результатах проверки свидетельствует заметка в газете:

„Приказом Комитета по делам физкультуры и спорта при Совнаркоме СССР от 29.08.1937 года за № 285 награждается значком ГТО 2-й ступени:

1. Маргелов Василий Филиппович...“

Всего в списке было десять человек».

Осенью 1938 года капитан В.Ф. Маргелов в порядке выдвижения был назначен командиром 2-го батальона 23-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии и в декабре прибыл к новому месту службы.

В аттестации, утверждённой в новой должности, говорится: «Над повышением своего политического уровня работа-

ет. С беспартийной массой связан. За короткий период завоевал авторитет среди бойцов и командиров. В своей практической работе искривлений партийной линии не имел...

Тактически развит хорошо. Технические средства борьбы знает. Стрелковое дело знает хорошо и сам хороший стрелок. Хороший методист.

Требовательный к себе и подчинённым. Обладает твёрдой волей. В проведении в жизнь принятого решения настойчив...

Физически развит, в походах вынослив. Батальоном командует несколько дней, но быстро сколотил и мобилизовал красноармейскую массу на выполнение поставленных задач путём развития социалистического соревнования и ударничества...

Вывод: Должности командира батальона вполне соответствует. Растущий, энергичный, старательный командир.

Подлежит присвоению военного звания в очередном порядке „МАЙОР“».

Но до майора нашему герою было ещё далеко, ведь «капитана» ему присвоили только недавно, всё в том же 38-м году.

Зато 1 сентября 1939 года в 11 часов дня в наркомат иностранных дел СССР явился советник германского посольства в Москве Г. Хильгер и сообщил о начале войны с Польшей. 3 сентября германское посольство получило задание министра иностранных дел И. Риббентропа прощупать намерения СССР относительно возможного вступления Крас-

ной Армии в Польшу. Однако советское правительство пока только думало...

7 сентября 1939 года И.В. Сталин всё-таки выразил своё отношение к начавшейся в Европе войне так: «война идёт между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону».

При этом советский лидер охарактеризовал Польшу как фашистское государство, угнетающее другие народности, заявив: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население».

Поэтому уже 2 сентября на советско-польской границе был введён режим усиленной охраны в связи с германо-польской войной.

3 сентября нарком обороны СССР маршал К.Е. Ворошилов просил ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердить задержку увольнения красноармейцев и младших командиров на 1 месяц в войсках Ленинградского, Московского, Калининского, Белорусского и Киевского особых и Харьковского военных округов (310 632 человека) и призыв на учебные сборы приписного состава частей ПВО в ЛВО, КалВО, БОВО и КОВО (26 014 человек).

4 сентября согласие правительства было получено, и Ворошилов отдал соответствующий приказ.

6 сентября, ближе к ночи, в семи военных округах была получена директива о проведении скрытой мобилизации или «Больших учебных сборов»...

В этих «сборах» приняли участие управления 22 стрелковых, 5 кавалерийских, 3 танковых корпусов, 98 стрелковых, 14 кавалерийских дивизий, 28 танковых и 3 мотострелковые бригады. Всего же было призвано 2 610 136 человек, 634 тыс. лошадей, 117 439 автомашин и 18 900 тракторов.

В преддверии кампании по освобождению западных областей Белоруссии и Украины, утерянных по условиям Брестского мира большевиками, Маргелова назначают начальником 2-го отделения штаба стрелковой дивизии, а по совместительству ещё и начальником разведки.

«7 сентября штаб дивизии был поднят по тревоге, – пишет Б. Костин. – Комдив полковник Фурсин и полковой комиссар Бурылин были вызваны к командарму 4-й армии

В.И. Чуйкову. В этот же день В. Маргелов получил приказ вскрыть конверт. Распоряжение гласило: поднять войсковые части на большие учебные сборы по литеру „А“, что соответствовало проведению скрытой мобилизации. Слово „мобилизация“ категорически было запрещено употреблять как в устных, так и в письменных приказах, что вовсе не меняло сути процесса приведения дивизии в полную боевую готовность. <...>

10 сентября 8-я стрелковая дивизия, доукомплектовываясь, начала погрузку в эшелоны. Для переброски соединения к государственной границе их требовалось ни много ни мало 48 единиц. Сразу выяснилось, что железная дорога не способна выдержать такого напряжённого графика работы. И всё же к исходу 14 сентября части дивизии сосредоточились в районе Большая Раевка – Дубровичи – Конотоп – Прусы. К этому времени их общая численность, которая по штатам военного времени должна была составлять 16 126 человек, достигла 15 011».

11 сентября на базе БОВО были сформированы и развёрнуты управления Белорусского фронта (командующий – командарм 2-го ранга М.П. Ковалёв). Витебская, Бобруйская и Минская армейские группы БОВО были 15 сентября 1939 г. развёрнуты соответственно в 3-ю (командующий – комкор В.И. Кузнецов), 4-ю (командующий – комдив В.И. Чуйков) и 11-ю (командующий – комдив Н.В. Медведев) армии. «Кроме того, из управления МВО согласно приказу Генштаба от

9 сентября выделялось управление 10-й армии (командующий – комкор И.Г.Захаркин), передававшееся в состав Белорусского фронта, куда оно передислоцировалось 11–15 сентября, и в составе фронта формировалась Конно-механизированная группа (КМГ) (командующий – комкор В.И. Болдин)». (М.И. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина.)

В состав 4-й армии входили: 31-й батальон охраны, 8-я, 55-я, 143-я стрелковые дивизии, 29-я и 32-я танковые бригады, два батальона связи и части армейского подчинения.

К вечеру 16 сентября войска Белорусского фронта были развёрнуты в исходном районе для наступления, а 17-го в 5.00 передовые и штурмовые отряды Красной Армии и пограничных войск перешли границу...

Как сообщает М.И. Мельтюхов: «На фронте 4-й армии к исходу первого дня наступления 29-я танковая бригада заняла Барановичи и расположенный здесь же укрепленный район, который не был занят польскими войсками, а 8-я стрелковая дивизия продвинулась до Снува. К исходу 18 сентября 29-я и 32-я танковые бригады вышли на р. Щара южнее Слонима, а 8-я стрелковая дивизия прошла Барановичи. К исходу 19 сентября 29-я танковая бригада вошла в Пружаны, 32-я танковая бригада – в Миньки на шоссе Барановичи – Брест, 8-я стрелковая дивизия достигла р. Щара, а подошедшая 143-я стрелковая дивизия совершала марш южнее Барановичей. К вечеру 20 сентября 29-я танковая бригада находилась западнее Пружан, 32-я танковая бригада – в Ко-

брине, 8-я стрелковая дивизия – в Ружанах, 143-я стрелковая дивизия – в Иванцевичах».

К слову сказать, это была самая первая война Маргелова. А всего их будет пять...

На первой войне было и первое боевое задание...

Рассказ об этом записал со слов самого Василия Филипповича автор биографической книги о нём Б. Костин:

«– Василий Филиппович, – обратился ко мне комдив. – Ни о том, какой в Ляховичах гарнизон, ни об обороне поляков сведений нет. Дерзости тебе не занимать. Бери броневик, отделение автоматчиков. Но только прошу, не лезь на рожон и действуй аккуратно. Город мы должны взять малой кровью. Задача ясна?»

– Так точно! – ответил я.

– На знакомство с группой и подготовку к выполнению боевой задачи даю один час, а затем – вперёд.

– Есть, – козырнув, ответил я.

Водитель и автоматчики были не новичками в Красной Армии, и долго объяснять им суть предстоящего не пришлось. На мой вопрос, есть ли у них какие-либо предложения или просьбы, они попросили разрешения взять побольше боеприпасов.

Убедившись в надёжности своих бойцов, я проверил, как они подготовились к выполнению боевой задачи, после чего доложил командованию о том, что через пять минут отправляемся на выполнение задания.

Получив „добро“, мы двинулись в путь. Дорога была длинной. Спустя некоторое время увидели скелет сгоревшей легковушки, а через несколько километров – взорванную танкетку. Остановились, огляделись. Мост через речушку был свободен. Пролетев его на бешеной скорости, въехали на окраину. Заглушили двигатель. На улицах – ни единой души. Казалось, город знал, что скоро штурм. Жители попрятались, как перед бурей, магазины были закрыты.

Вдруг, откуда ни возьмись, к броневнику подбежал мальчонка лет двенадцати.

– Вы советские? – спросил он.

– Да. А ты кто такой? – спросил я.

– Советские – значит наши. А я местный, – ответил паренёк, – зовут Янко.

– Ладно, Янко, раз ты местный, то и показывай дорогу к ратуше.

Мальчонка проворно вскарабкался на переднее сиденье, и спустя некоторое время броневик подскочил к ратуше. Поблагодарив хлопчика и пожав ему на прощание руку, я с автоматчиками направился к входу в здание, условившись с водителем о том, чтобы минут через десять он дал из пулемёта очередь в воздух.

Возле входной двери стояли два полусонных полицейских, которые, завидев нас и броневик со звездой на башне, стали изумлённо протирать глаза. Сообразив, что это не сон, они бросили оружие и пустились наутёк.

Путь в ратушу был свободен, и мы смело шагнули в здание. На первом этаже никого. На втором – тоже. На третьем путь нам преградили два польских жандарма, но направление дула автоматов поумерили их пыл. Я понимал польский и уяснил, что сейчас у бургомистра идёт совет, решавший, как и чем предстоит оборонять городок.

Связав на всякий случай перепуганных до смерти жандармов, мы ворвались в большую комнату: „Руки вверх! – громко скомандовал я. – Шановне панове! Вы арестованы. Сопротивление бесполезно. Наши войска уже заняли все подходы к городу. Вам, полковник, советую прямо сейчас связаться со своим полком и распорядиться о сдаче частям Красной Армии“.

И тут, в подтверждение моих слов, прогремела длинная пулемётная очередь. Эффект её был впечатляющим. Трясушимися руками командир полка польских жолнежей взял телефонную трубку и слово в слово повторил в неё мой ультиматум. Мы вывели из ратуши городскую голову, начальника полиции, полковника, дав ещё для острстки вверх несколько очередей, отправились в обратный путь. Город был занят нашей дивизией без единого выстрела».

Соответственно за такое образцовое выполнение боевого задания вся группа была представлена к правительственным наградам. Но этому событию помешал, как всегда, случай.

«На радостях мои друзья-сослуживцы собрались вечером в ресторане городка, уже занятого к тому времени без еди-

ного выстрела нашими войсками. Отметив мою удачу, которую боевые друзья единодушно назвали подвигом, обильными возлияниями, мы захотели потанцевать с местными панёнками, оставшимися в городке. Девушки с удовольствием танцевали с молодыми статными офицерами и с не меньшим удовольствием присаживались за наш стол выпить и закусить в весёлой компании.

Веселье наше расстроили, судя по всему, зажиточные местные граждане еврейской национальности, также находившиеся в ресторане и праздновавшие что-то.

– Вася, – сказал один из моих товарищей, – над тобой жида смеются.

Действительно, за одним из столов еврейская компания показывала на мою перевязанную щёку и легкомысленно между собой пересмеивалась.

Офицеры схватились за пистолеты, а я – за свой „маузер“, который направил вверх. Выстрел прозвучал неожиданно – люстра, висевшая под потолком, разлетелась вдребезги. Насмешников как ветром сдуло. Зато почти мгновенно появились наши ребята из военной комендатуры и препроводили всех на гауптвахту, где оставили нас отдохнуть до утра на свежем сене.

Утром при разборе происшествия я взял вину на себя. Боевую награду мне не дали, но зато для моих друзей всё закончилось без последствий», – вспоминал десятилетия спустя Василий Филлипович.

За время боевых действий дивизия, в которой служил Маргелов, потеряла убитыми 9 человек и ранеными – 21. Потом был выход на демаркационную линию, определённую договорённостью с немецким командованием. А 3 октября 1939 года восьмая стрелковая дивизия начала закрепляться на ней.

Как пишет Б. Костин: «Это были блаженные дни. Более двух недель Маргелов не снимал гимнастёрку, недосыпал и недоедал, проделав с бойцами трёхсотверстный путь. И вот теперь – жаркая баня, чистое бельё и обильное хлебосольное застолье».

Но служба продолжалась и тем более для капитана Маргелова...

Второе боевое задание было ещё более ювелирным: дойти у немцев, пока ещё «союзников», секретный противогаз. Приказ поступил в разведуправление Белорусского фронта аж из самой Москвы. Соответственно оттуда по нисходящей вниз до соединений...

Вот как об этом рассказывают сыновья Василия Филипповича со слов отца: «Поскольку времени на подготовку к выполнению задания не было и зная о том, что к немцам собираются выезжать начальник штаба и начальник особого отдела дивизии, отец, тщательно всё продумав, доложил командиру дивизии своё решение.

– Задача деликатная, для её выполнения требуется один человек, но с хорошим „прикрытием“, – задумчиво сказал

он. – У меня, конечно же, есть дерзкие, хорошо подготовленные разведчики, но тем не менее прошу разрешить выполнение задания мне лично. Выезжаю вместе с начальником штаба и начальником особого отдела дивизии. А там в расположении немецких войск действую по обстановке. Одновременно в своём батальоне ставлю задачу подчинённым по отработке операции.

Командир дивизии задумался, глядя в глаза капитану: „Велика ответственность“, – но, не заметив ни тени сомнения, пожал руку и сказал:

– Машина будет через полчаса. Там никто помочь вам не сможет. О вашем задании начальники будут знать. Вся ответственность – на вас. Удачи, капитан. Я буду ждать вашего возвращения, но, если попадёте немцам, рассчитывайте только на себя.

Ровно через полчаса Маргелов и его спутники были в пути. По дороге разговор был общий – о предстоящих переговорах с „союзниками“, но временами отец замечал короткие напряжённые сочувственные взгляды собеседников. Командир известил их о боевой задаче.

Наконец, приехали на место. Переговоры продолжались не один день, дело шло по намеченному плану. Появилась выпивка, закуска. Провозглашались тосты, о которых отец вспоминал потом, через пару лет, с горькой усмешкой. Пока „союзники“ изощрялись в красноречии, разведчик незаметно наблюдал за тем, что происходит вокруг.

Заметил, как мимо открытой из-за жары во двор двери прошли два немецких солдата с нужными ему противогазами. Притворяясь слегка пьяным и изобразив смущённую улыбку, отец попросил разрешения у начальника штаба выйти „до ветра“. Присутствующие заулыбались, отпуская шуточки в адрес „слабака“, и позволили ему идти. Изображая нетвёрдую походку, капитан, зорко оглядываясь по сторонам, направился в сторону походного сортира, где заметил „своих“ немцев. Один из них скрывался за дверьми, другой ожидал своей очереди. Отец, покачиваясь и улыбаясь, подошёл к немцу и, как бы не удержав равновесия, упал в его сторону... ножом вперёд. Срезав противогаз, он прикрываясь убитым, ввалился к его приятелю. Там быстро покончил и с ним... Трупы сбросил в отхожее место и, убедившись, что они затонули, вышел наружу.

Забрав оба противогаза, он незаметно добрался до своей машины и надёжно спрятал их. Затем вернулся к „столу переговоров“ и выпил свой стакан водки. Немцы одобрительно загудели и стали предлагать шнапс. Однако наши командиры, поняв, что разведчик своё дело выполнил, стали прощаться. Вскоре они уже катили обратно.

– Ну что, капитан, добыл?

– Целых два, – похвалился отец.

– Но ты ж не забудь, что мы тебе помогали... как могли, – сказал „особист“. Начальник штаба промолчал. Нарушая воцарившееся внезапно молчание, отец, закулив папи-

росу, сказал, обращаясь к водителю:

– Гони, боец, быстрее.

За окнами машины быстро проносились деревья, впереди – речушка. Машина въезжает на мост и... вдруг взрыв».

Что ж война есть война! Машина, в которой ехали советские командиры, подорвалась на mine. А это значит – засада! Тут же из леса показались фигуры всадников, стреляющих на ходу и приближающихся к машине... Капитан Маргелов, «превозмогая боль, пристыковал пистолет Маузер к деревянной кобуре и стал отстреливаться. Вот он сбил первого всадника, затем – следующего... Кровь заливала глаза, мешая вести прицельную стрельбу. И тут немцы, услышав стрельбу, пришли на помощь. Отбив атаку, они взяли русского капитана с собой, отвезли его в госпиталь, где немецкий хирург прооперировал ему переносицу. Шрам же на левой щеке остался памятью о тех днях на всю жизнь...»

Судьба словно хранила Василия Филлиповича для будущих дел, ведь в этот раз, кроме него, погибли все: и шофёр, и начальник штаба, и «особист»!

А тем временем всю шла подготовка к войне с Финляндией. В конечном итоге 17 ноября 1939 года Генеральный штаб РККА отдал директиву за номером 0205/Оп о переходе в наступление против финских войск...

Следующая директива, № 4715, отданная Военным советом Ленинградского военного округа 21 ноября, указывала день и час наступления.

О начале войны возвестят залпы артиллерийской подготовки в 8 часов утра 30 ноября 1939 года, чтобы через час после её окончания войска 7-й армии пересекли границу на Карельском перешейке. В наступление перейдут также 8-я, 9-я и 14-я армии. Но пока никто ещё не будет знать, что эта, наскоро подготовленная, война примет затяжной характер. Она будто специально круто повернёт судьбу Маргелова, ибо там, на заснеженных просторах, понадобится много опытных лыжников.

Капитан Маргелов назначен командиром Отдельного разведывательного лыжного батальона 596-го стрелкового полка 122-й стрелковой дивизии.

«30 ноября в 8.00 утра передовые лыжные отряды перешли финскую границу. Встретило их злобное завывание вьюги, бездорожье и редкие автоматные очереди, которые жалили лыжников, словно осы, – читаем в книге Б. Костина „Маргелов“. – 596-му стрелковому полку при поддержке 285-го артполка предстояло овладеть местечком Юликуртти – Алакуртти и в дальнейшем наступать в направлении реки Куалаикки, перейти её и занять городок Кайрала.

Тактика финнов такова: мелкие группы внезапно вылетают на лыжах из леса, ведут огонь из автоматов и пулемётов и так же внезапно исчезают. Погоня напрасна. Попытались разведчики догнать нападавших – угодили в засаду.

Вечером капитан Маргелов с отрядом ворвался в Юликуртти. Стычка была короткой, но когда городок оказался

в руках разведбата, в нём не осталось ни одного целого дома. Спалив их дотла, жители бросили всё, бежав от „зверств кровожадных оккупантов“. Такими финская пропаганда рисовала бойцов и командиров РККА. Но вот и первый пленный. Достался он маргеловцам в бою и, дрожа от страха, поведал не слишком многое. <...>

В одном из боевых донесений командира 596-го полка говорится: „Разведка ведётся непрерывно. 2-й батальон выполняет особую задачу“. В разведывательной роте, которой командовал лейтенант Петров, вместо 80 человек к этому времени в строю находилось 42 бойца. Маргеловские лыжники выходили в дозоры на пределе сил – без них бы полк не продвинулся и на километр.

Между тем вся 122-я дивизия, к слову, не имевшая ни одного танка, едва ли не ползла по единственной проходимой дороге. Для вездесущих шюцкоровцев, которые совершали рейды по тылам, дезорганизуя снабжение войск, – благодатная нажива.

Заняв Алакуртти, передовой отряд полка тронулся в путь. Преградил его сильный огонь. В том, что финны засели в прочных укреплениях, Маргелов сомнения не имел, как не сомневался он и в том, что противник уготовил огневую ловушку для главных сил. Риск был велик (связь комполка осуществлялась только посыльными), к тому же финны оказались предусмотрительными и вырубали напрочь лес у себя в тылу – обход был бесполезен. Однако Маргелов принял ре-

шение на разведку боем.

Поставив задачу командирам рот, комбат вместе с начальником штаба выбрали позицию, с которой стали наблюдать за ходом боя. Первая, а затем и вторая атаки батальона были отбиты. По разведчикам били миномёты, несколько раз ухнули пушки. Укрепрайон ожил и тем самым раскрыл себя. А тут ребята Петрова, разведчики-ползуны, приволокли пленного.

На следующий день полк, поддержанный артиллерией, шёл в атаку не вслепую. И всё же бой был упорным и продолжался почти двое суток. Исход его решил подошедший 273-й полк с гаубичным дивизионом».

В своём достаточно аргументированном исследовании Советско-Финляндской войны профессиональный историк П. Аптекарь подчёркивает: «Основная же масса финских войск, входивших в армию „Карельский перешеек“, с самого начала войны заняли позиции на главной полосе сопротивления – „линии Маннергейма“, которая располагалась значительно дальше, чем предполагали разведчики штаба Ленинградского ВО. Уже эти первые бои с противником, значительно уступавшим и в численности, и в вооружении, ясно показали большинство недостатков в организации войск и боевой подготовке наших бойцов и командиров. Ввиду скверного использования лыж (неумения ходить на них), а зачастую и их отсутствия части и подразделения Красной Армии вовсе не применяли обходных маневров и атаковали

финнов в лоб, что вело к излишним потерям. Плохо была поставлена служба разведки и боевого охранения, что позволяло финским разведывательно-диверсионным группам довольно вольготно чувствовать себя в тылу 7-й армии.

Документы говорят также о плохом взаимодействии родов войск: пехота не умела идти за танками, встретив даже слабый заградительный огонь противника, стрелки залегали и предоставляли решение исхода боя танкистам. Известен случай, когда командир танковой роты 20-й танковой бригады даже возвратился под огнём противника к подразделениям стрелков и попытался уговорить их пойти за танками, но пехотинцы не сделали этого. Лишь в 70-й сд пехота шла за боевыми машинами и закрепляла их успех. Танкисты не всегда грамотно увязывали свои действия с артиллеристами, которые не всегда вовремя поддерживали их наступательный порыв подавлением огневых точек противника. В первые дни боёв нередко были и случаи артобстрела своих передовых стрелковых подразделений. Часто артиллеристы, не имея достоверных разведывательных данных, вынуждены были выбрасывать тонны боеприпасов по площадям, а пехота после артиллерийской подготовки натывалась на огонь неподдавленных пулемётов и миномётов».

Так и воевали...

Солдат и непосредственный участник той войны А. Деревенец вспоминая её, напишет: «Схватка и правда была жестокой, ухватки не было. Было тупое исполнение тупых при-

казов тупых военачальников и тупых стратегов. В своих воспоминаниях один из офицеров в период „оттепели“, когда можно было сказать правду, писал о своём разговоре с маршалом Малиновским.

– Какова наша стратегия? – спрашивал офицер маршала.

– Какая стратегия? Прогрызай оборону противника – вот и вся стратегия, – ответил маршал.

И наша пехота прогрызала оборонительные линии предполья и железобетонные доты линии Маннергейма, устилая свой путь трупами в лобовых атаках. За просчёты мудрых политиков и стратегов армия и народ заплатили кровью».

Но вернёмся к рассказу Б. Костина.

«На Кандалакшское направление, которое считалось не менее важным, чем линия Маннергейма, был переброшен шведский экспедиционный корпус. Соппротивление противника нарастало. Об этом говорят и выдержки из боевых донесений:

„8 декабря противник сжёг Куомиярви. Жаркий двухчасовой бой. Засады“.

„9 декабря. Вылазки в тылу“.

„15, 16, 17 декабря. Противник отбил все атаки наших частей“.

„23 декабря. Полк начал отход. Противник, активно действуя на флангах и тылах, нападал на обозы и портил линии связи“.

„25 декабря. В налёте на штаб и тылы дивизии принимал

участие 1-й Сальский батальон“.

Проникнувшие в тыл финны не гнушались ничем и вырезали до последнего человека весь медсанбат, не пощадив ни раненых, ни медсестёр. Трудно представить, какие чувства испытывали комдив Шевченко и комиссар Лисицын, глядя на гору трупов, застывших в страшных предсмертных позах. Увиденное взывало к возмездию. Приказ командира дивизии Маргелову был коротким:

– Действуй, капитан.

Прежде чем отправиться в рейд, Маргелов построил лыжников и без слов повёл к медсанбату, подвергнувшемуся нападению извергов. Картина, представшая перед глазами, была ужасающей, кровь стыла в жилах. Поиск привёл разведчиков в глубокий тыл 4-го армейского корпуса финнов. Под ударами штыков и ножей пал весь банно-прачечный отряд, беззаботно отдыхающий после дневных трудов. Разведчики разбросали листовки: „Мсть сальцам за русский медсанбат“. Откровенно говоря, не любил В.Ф. Маргелов вспоминать о войне с Финляндией. Всё на ней шло как-то не так, не по привычной логике, и порой трудно было определить, где передний край, где фланги, где тыл. Приноровиться к такой обстановке мог лишь тот командир, который имел особое чутьё, мгновенную реакцию и, конечно, отменные физические данные. Отмахать сотню вёрст по тылам врага незамеченным и вернуться с отрядом в полном составе удавалось немногим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.